

Вадим Панов

Горевестница

Часть сборника
Таганский перекресток (сборник)

Вадим Панов

Горевестница

«ЭКСМО»
«Панов Вадим»

2006

Панов В. Ю.

Горевестница / В. Ю. Панов — «Эксмо», «Панов Вадим», 2006

«— Алло, добрый день.— Здравствуйте.— Будьте добры Анну Тимофеевну.— Это я...»

© Панов В. Ю., 2006

© Эксмо, 2006

© Панов Вадим, 2006

Вадим Панов

Горевестница

- Алло, добрый день.
- Здравствуйте.
- Будьте добры Анну Тимофеевну.
- Это я.

Голос старческий, но бодрый. Перед глазами сразу же встает образ крепкой, еще не уставшей жить старушки с ясными живыми глазами. Такая не жалуется товаркам на дочь, «оставившую на нее детей», а охотно занимается с маленькими хулиганами чтением и рисованием, водит их в бассейн или школу танцев...

- Я должна вам сообщить, что Степанида Андреевна Курочкина умерла.
- Боже, вы шутите?
- Нет.

– Ох... – Короткая пауза. – Стеша... она ведь... Погодите! Она ведь на пять лет меня младше! А когда...

«Не она!!»

Старушка удивленно посмотрела на трубку, начавшую издавать короткие гудки, и медленно положила ее на аппарат.

А Катя поставила крестик рядом с фамилией Анны Тимофеевны, легким движением руки отбросила со лба волосы и набрала следующий номер.

- Алло, добрый день.
- Добрый.
- Будьте добры Евгения Ивановича.
- Одну секунду.
- «Папа, это тебя!»
- «Кто?»

«Какая-то девушка».

«Девушка?»

Послышались шаркающие шаги: тапочки по паркету.

– Да!

Можно поспорить – отставной военный: короткое, рубленое «да» говорит само за себя. К штатскому «алло» старик не приучен.

- Евгений Иванович?
- У аппарата.
- Степанида Андреевна Курочкина умерла.
- «Он? Или нет? Пожалуйста, нет!»

Снова пауза, но Катя понимала, что на этот раз тишина в трубке вызвана другими обстоятельствами. Мужчина не переживает печальное известие, а пытается вспомнить, о ком идет речь. Перебирает в памяти бывших сослуживцев, друзей, родственников. При этом дыхание старика осталось спокойным: в армии, особенно в действующей армии, учат относиться к смерти без лишних эмоций. А Евгений Иванович, скорее всего, в действующей армии был.

- Степанида Андреевна?
- Да, Степанида Андреевна, – подтвердила девушка.

«Папа, кто это?» Интересно, кто подошел к телефону: дочь или невестка? Хотя какая разница?

– Степанида Андреевна. Так точно, помню. Вдова полковника Курочкина. Якова Алексеевича. Очень печально. Когда похороны?

Катя положила трубку.

Она отчаянно боялась, что вновь попадет на «него». Набирая номер, поднося к уху трубку, разговаривая с незнакомыми людьми, девушка с трудом подавляла дрожь. Дрожь в пальцах, дрожь в голосе, дрожь в душе. Страх заставлял кусать во время разговора губы. Страх появлялся на лбу капельками липкого пота. Страх требовал никотина, она курила едва ли не каждые десять минут – выбегала на лестничную площадку, садилась на грязные ступеньки и пускала дым, не отрывая застывший взгляд от разрисованной маркерами стены.

Она боялась очередной встречи с «ним».

Боялась, но ничего не могла поделать: снова и снова набирала телефонные номера. Давила на кнопки телефона и говорила...

– Тетя Стеша? Жаль... обязательно расскажу маме.

Твердый баритон, ни капельки не грустный, ни капельки не расстроенный. По всей видимости – взрослый сын старой приятельницы полковничихи Курочкиной.

«Не он!»

– Девушка, а вы кто будете...

Катя поставила очередной крестик. Вновь откинула волосы, тыльной стороной ладони вытерла пот, перелистнула очередную страницу потрепанной записной книжки. Буква «Т», а «он» еще не появился. Может, сегодня повезет?

«Он» появлялся всегда, но она все равно надеялась.

– Будьте добры Маргариту Львовну.

– Это я.

– Я звоню вам сообщить, что умерла Степанида Андреевна.

– Кто?

– Степанида Андреевна.

– Мне ни о чем не говорит это имя.

Сердце ухнуло куда-то вниз. Далеко-далеко. В холодную черную пропасть. Руки и ноги стали ватными, чужими. И не осталось сил, чтобы прятать дрожь голоса.

– Степанида Андреевна, – с трудом сдерживая слезы, пробормотала Катя. – Вдова полковника Курочкина. Якова Алексеевича.

– Понятия не имею, кто это.

– Может, ваши родители знают?

– Мои родители живут в другом городе, – спокойно ответила женщина. – Вы ошиблись. Я не знаю никакой Степаниды Андреевны.

– Может, вы снимали у нее квартиру? Или комнату?

«Да вспомни же ты! Вспомни хоть что-нибудь! Откуда ты могла знать умершую старуху! Вспомни!»

Бесполезно.

– Я понимаю, вы расстроены смертью близкого человека, – мягко произнесла женщина. – Но поверьте: я не знаю никакой Степаниды Андреевны. До свидания.

На этот раз короткие гудки достались Кате.

Каждый телефонный разговор заканчивается короткими гудками.

Девушка медленно положила трубку на аппарат и ногой отодвинула от кресла журнальный столик.

«Будь все проклято!»

Плакать она не собиралась. Зачем? Говорят, слезы смывают с души горечь, делают легче навалившуюся тяжесть. В обычной жизни так и есть: мелкие обиды можно выплакать. Но тоску,

что появляется после разговора с «ним», слезами не возьмешь. Ее вообще ничем не возьмешь. С нею можно только мириться.

Вздохнуть несколько раз, стиснуть зубы и проверить: не ошиблась ли? Взгляд в записную книжку: «Топоркова Маргарита Львовна, двести семьдесят два...» Нажать кнопку на телефонной трубке, вызвать на экран последний набранный номер.

Триста семьдесят шесть...

Катя знала, что это не ошибка – она всегда предельно внимательно набирала телефоны. Она звонила Топорковой, а дозвонилась до Маргариты Львовны с неизвестной фамилией.

Дозвонилась до «него».

Машинально записала номер на листок бумажки, оставила рядом с телефоном. Вернулась в кресло, уселась, подобрав под себя ноги, и сделала то, что позволяла себе крайне редко, в исключительных случаях: закурила в комнате.

Когда на душе плохо и пусто, можно попробовать заполнить ее дымом.

Он обманщик. Он вьется вокруг, рисуя причудливые образы, и никогда не остается таким же, каким был мгновение назад. В каждую секунду – он разный. И так до самой смерти. До того, как растворится в тебе или вокруг тебя.

Ты забудешься или задумаешься. Ты заморожено любишься игрой проказника, не в силах отвести взгляд от призрачных образов. Ты успокаиваешься.

Но дым не может тебя спасти. Рано или поздно вы расстанетесь. Обманщик умрет, оставив после себя лишь горечь.

Звонок раздался в тот самый момент, когда Катя затянулась в последний раз.

Глеющий огонек добрался до фильтра и слегка обжег палыцы. Дым тоже оказался горячим, резанул по губам, заставил инстинктивно облизнуться.

Звонок повторился.

Катя бросила окурочек в чашку с остатками кофе, которую использовала в качестве пепельницы, и взялась за трубку.

– Алло?

Она старалась говорить как можно спокойнее. Не хотела, чтобы на том конце телефонного провода уловили ее слабость.

– С каждым разом у тебя получается все лучше и лучше.

Катя никогда не видела эту женщину с таким приятным, глубоким голосом. Никогда не встречалась и не хотела встречаться. Но она отчетливо представляла себе ее.

Высокая, довольно крупная, но при этом – изящная. Широкие бедра, тонкая талия, довольно большие плечи, не массивные, делающие ее похожей на метательницу молота, а просто кость такая. Лицо круглое, но не простоватое. Твердые скулы, узкие губы, небольшие, очень темные глаза, маленький нос. И брови вразлет черные, длинные. И пышная копна вьющихся черных волос.

– Пожалуйста, оставьте меня в покое, – прошептала девушка.

– Ты же знаешь, что не могу.

– Почему?

Сколько раз она задавала этот вопрос: пять? Десять? И поражалась терпению собеседницы: женщина всегда отвечала одними и теми же словами, с одной и той же интонацией – спокойно и немного грустно.

– У тебя талант, Катерина.

Нам нравится, когда нас хвалят.

Теплые слова заставляют улыбаться...

Иногда мы не в силах отличить похвалу от лести. Иногда цель нашего существования – жажда признания. Мы забываем обо всем и посвящаем свою жизнь поиску теплых слов. Неважно от кого – раз хвалят, значит, признают. Иногда слова заменяют мир. Становится не важным, кто ты на самом деле. Ты не видишь себя со стороны. Ты просто слушаешь слова и веришь им.

Становишься рабом теплоты.

Но бывают мгновения, когда хочется убить человека, признавшего твой талант.

И хочется убить себя.

– Как прошел день?

Мама сидела за маленьким столом на маленькой кухне и читала принесенные с работы бумаги. Видимо, завтра опять отчет. Или представление проекта. Или доклад. Или... Владелец небольшой частной фирмы, в которой работала мама, был помешан на бумагах. Ему бы следовало родиться в семье преуспевающего бюрократа, закончить престижный институт и до конца дней перебирать никому не нужные папки в каком-нибудь никому не нужном министерстве, надуваясь спесью от собственной важности. Но судьба распорядилась иначе. Вырос он в обычном московском дворе, дорогу наверх прогрыз себе сам, мужиком был хватким, деловым, и тяга к бумагомарательству оставалась едва ли не единственным его недостатком. Даже самый простой доклад он требовал оформить в письменном виде, и маме приходилось частенько брать документы домой.

– Ты выглядишь расстроенной.

– Устала, – слабо улыбнулась Катя, включая электрический чайник. – Сделать тебе чай?

– Да.

Мама снова погрузилась в бумаги.

Они до черточки, до жеста походили друг на друга: мать и дочь, сидящие за столом, над которым нависала дешевая люстра с пыльным пластиковым абажуром. Худые, стройные, у обеих прямые темные волосы, только мама стриглась довольно коротко, а у Кати каре до плеч. Обе узколицые, большеглазые. Только у мамы морщинки. И взгляд чаще всего усталый. Трудно одной тянуть семью.

– Как дела в школе?

– Нормально.

– Выпускной класс, – пробормотала мама, – надо хорошо учиться.

– Я помню, – ровно произнесла девушка.

О том, что начался последний школьный год, мама повторяла едва ли не каждый день. Начиная с июня. Все каникулы испортила. «Я не смогу платить за твое образование, надо стараться самой». А с началом занятий эта мантра стала основным законом. «Ты совсем не занимаешься! Ты слишком много времени проводишь с друзьями! Пойми, конкурс на бесплатные места огромный!»

Катя не винила маму, понимала, что она заботится о ней, беспокоится о будущем дочери, но иногда, когда забота плавно перетекала в придирки, девушка не выдерживала.

– Где была?

– Гуляла.

Мама бросила взгляд на часы – половина десятого – нормально, как раз то время, о котором они договаривались.

– Уроки сделала?

– Конечно...

Тихий семейный разговор, венчающий тихий семейный вечер, оборвал телефонный звонок. Мама сняла трубку, заулыбалась:

– Геннадий, здравствуй. – Машинально поправила прическу. – Ты вернулся?

Катя молча взяла кружку с чаем и направилась в свою комнату.

Мама еще не старая, ей нужен друг. Лучше всего – постоянный друг. А лучше-лучше всего – муж. Маме плохо одной. Но при этом она никогда не приводила знакомых мужчин домой. Пообещала себе и Кате, что познакомит дочь только с «серьезным вариантом», и держала слово.

И за эту твердость Катя была маме бесконечно благодарна.

– Сегодня? Ну, дорогой, если ты заедешь...

Девушка закрыла дверь в комнату, сбросила тапочки, забралась с ногами на покрытый пледом диван, забилась в уголок, сделала маленький глоток обжигающе горячего чая. Посидела, бездумно глядя в темень за окном, протянула руку и щелкнула переключателем висящего над диваном ночника. Подождала пару секунд. Выключила.

Включила вновь.

Желтый свет падал на старый, оставшийся еще от деда письменный стол, на потертое кресло, отражался от зеркальной дверцы шкафа и монитора компьютера.

Очень хотелось курить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.